

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

УДК 111.1 101.1
DOI: 10.17223/1998863X/44/1

А.В. Гукова

СОВРЕМЕННЫЙ ЦИНИЗМ КАК ФОРМА КРИТИЧЕСКИ-РЕФЛЕКСИВНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Предметом обсуждения стал феномен современного цинизма. Анализируется специфика социокультурных условий, в которых актуализируется современный цинизм. Цинизм обосновывается как критически-рефлексивная форма мировоззрения.

Ключевые слова: цинизм, П. Слотердайк, постмодерн, модерн, Просвещение.

«Циническая» проблематика выступает темой обсуждения в значительном количестве современных отечественных и западных исследований [1–3]. Цинизм рассматривается как основной тренд современности, один из существенных признаков современного этапа общественного и социального развития, как наследие постмодернистского релятивизма, воплотившееся в тотальном недоверии и пренебрежительном отношении к ценностным установкам.

В данной статье цинизм обосновывается как форма мировоззрения современного субъекта. С опорой на концепт «цинизма» П. Слотердайка предполагается проанализировать современную социокультурную ситуацию, рассмотреть обстоятельства актуализации цинического феномена в современности и его специфику.

В наиболее распространенном варианте цинизм принято понимать как протестную позицию маргинального субъекта или как наличие скрытых мотивов, пренебрежение ценностями и нормами морали ради собственной выгоды. Размышлять о циническом феномене в ином ключе непривычно, но именно это предлагает нам сделать П. Слотердайк в своей работе «Критика цинического разума», рассматривая цинизм не как яркую протестную позицию, но как габитус мышления современного разочарованного, апатичного и меланхоличного субъекта. Более того, цинизм мыслится уже не как личностный, но как «диффузный» феномен который «предстает как массовый тип: как усредненный социальный характер в обществе» [3. С. 31]. Давая характеристику этой специфической форме сознания, философ характеризует ее как «просвещенное ложное» [Там же. С. 33]. Это сознание расколотое, столкнувшееся с противоречием между реальностью, в которой преобладают частные интересы, и усвоенными гуманистическими ценностями Просвещения.

Просвещение хотело видеть своим результатом просвещенное сознание. Путем критики оно надеялось создать субъекта с высоким уровнем самосознания, рефлексии и осознанности, лишенное наивности, но вместо этого достаточно автономное. П. Слотердайк указал на то, что сознание современного

субъекта действительно «просвещено», но результатом такого просвещения на деле стало формирование отчужденного, замкнутого и «циничного» сознания, переживающего свой раскол по линии ценностных установок, внутреннего и внешнего опыта переживания. Таким образом, «цинизм» выступает одновременно как «просвещенное», а значит, критическое и рефлексивное и как «ложное» сознание, детерминированное социальными условиями иискаженно воспринимающее действительность.

Посредством комплексного генеалогического исследования цинического феномена, прослеживая его концептуальную и риторическую историю от античности до современности, Д. Мазелла в работе «*The making of modern cynicism*» связывает возникновение цинических умонастроений в разные культурные периоды со сходными историческими условиями, характеризуемыми как кризисные [4]. В свою очередь, И.М. Нахов связывает такие сходные исторические обстоятельства с эпохами упадка или подъема, что влечет за собой разочарование и переоценку привычных ценностных установок [5. С. 231]. Таким образом, цинизм осмысливается как метаисторическая установка сознания, обнаруживающая свою специфику в зависимости от социальной и культурной ситуации, и ее переживания субъектом – носителем сознания.

Структурно цинизм соответствует окончанию любой крупной эпохи. В нашем случае этапом актуализации становится XX в. с его сменой социокультурных доминант – модерна и постмодерна, представляющих различный набор культурных и жизненных установок. Истоки современной социальной ситуации можно обнаружить в Просвещении как едином интеллектуальном движении, предлагающем сравнительно оптимистические представления о человеческой нравственности и познавательном потенциале. Так, модерн выступал воплощением классических ценностей Просвещения, тогда как постмодерн основывался на сомнении относительно этой осевой западной традиции и характеризуется утратой веры в исторический прогресс, всесильность разума и сомнение в идеалах гуманизма. Тем самым постмодерн предстал попыткой завершить модерн и создать новую культуру.

Один из главных теоретиков постмодернизма Ж.-Ф. Лиотар говорит о постмодерне как о недоверии к метарассказам – объяснительным конструкциям, узаконивающим взгляд на мир в реалиях той исторической эпохи икультурной ситуации, в которой они возникают [6]. С этой точки зрения модерн также является источником всеохватных объяснительных теорий, мета-нarrативов, после отказа от которых культура и общество организуются по принципу «ризомы» – структуры без центра. Современность представляется как безостановочно формирующаяся реальность, постоянное пребывание в другом состоянии. Она стремится к свободе от рамок, законов и универсалий. В культуре доминируют средства массовой информации и «зрелища», общество ничего не воспринимает серьезно. В таком мире индивид обращается к себе, задумывается о своих нуждах и рассматривает все через призму собственной выгоды и комфорта. Можно сказать, что в рамках становления культуры постмодерна цинизм проявился как дальнейшая радикализация критического мышления в духе Просвещения, выполняя роль критической составляющей программы, направленной на подрыв установок модерна. Однако подобного рода культурная установка отношения к универсалиям имеет

последствия в виде убежденности в том, что изменить что-либо в существующей социальной реальности невозможно.

Так, П. Штомпка характеризовал современное общество как «общество травмы». Мы предполагаем, что духовную ситуацию современности вполне можно назвать «травматической» – эта характеристика подразумевает возросшие негативные ожидания в преддверии любых социальных изменений. Во многом негативные ожидания связаны с историческим опытом XX в. Так, в своей статье «Социальное изменение как травма» П. Штомпка пишет: «Одно время социальное изменение идеализировалось как бесспорно положительное, способствующее прогрессу. Опыт двадцатого века, в невероятном масштабе сконцентрировав социальное изменение, настоящего «века изменений», производит иное впечатление. Мы стали скептическое, потому что отчетливо видим теневые стороны изменения, боль и страдания, которые оно несет» [7].

Ситуация «травмы» характеризует тот социальный, исторический и эмоциональный контекст, который выступает средой для формирования субъекта со специфическим типом мироощущения, следствием которого является формирование цинической формы мировоззрения, реакции на мир.

Цинизм в культуре постмодерна – ответ на потерю стабильной позиции субъекта и гранд нарратива, обещанного дискурсом Просвещения. Более того, это разочарование, поскольку одновременно с потерей стабильности как индивид, так и общество утратили способность доверять любым начинаниям, связанным с утопическими идеалами, идеалами рационального переустройства общества и личности. Постмодернистский пересмотр базовых установок всей западной культуры привел к вопрошанию о самой возможности получения достоверных знаний, истины и смысла. Само это вопрошение ведет современную мысль в направлении критического, скептического отношения к любым попыткам узаконить тот или иной взгляд на мир, общество и культуру.

Специфическое переживание культурной травмы на фоне запроса на переоценку ценностей, на наш взгляд, консервирует такое переходное состояние общества, в результате чего «цинизм» переходной ситуации закрепляется в культуре, становясь типом сознания, в котором может функционировать субъект постмодерна, лишенный устойчивого ценностного основания в силу специфики постмодернистского релятивизма. Таким образом, современный цинизм предстает как форма критически-рефлексивного мировоззрения, базирующаяся на сомнении относительно возможности достижения универсальных ценностных установок, принимающая в качестве основных ценностей личные, эгоистические мотивы, отрицающая возможность развития общества и т.д.

Такая интерпретация цинической формы мировоззрения видится нам правомерной в силу специфики современного сознания индивидов. Эмпирически сознание современного субъекта вполне можно охарактеризовать как сознание потери – несчастное сознание [9]. Это – «разорванное» сознание, столкнувшееся с внутренним противоречием в восприятии реальности и следованиям собственным установкам. Для этого типа сознания характерно исчезновение надежды. Все перечисленные характеристики вполне присущи современному миропониманию. Несчастное сознание вытекает из опыта критики, которую с формальной точки зрения и представляет переход от модерна к постмодерну. Как правило, более или менее устойчивая система ценностей

воспринимается как нарратив, что лишает ее легитимации в условиях постмодернистского видения мира. Такому сознанию не остается ничего, кроме себя самого, поскольку «все, что было для него абсолютным, исчезло» [10].

В основании цинического мировоззрения, согласно П. Слотердайку, лежит противоречие: с одной стороны, его сущность критична, с другой – оно осознает невозможность изменить сложившуюся ситуацию, в результате чего вынуждено приспособливаться к сложившимся социальным условиям. В этом проявляется основная трагедия современного несчастного сознания – оно находится в постоянном рефлексивном вопрошании по поводу собственных бытийных оснований и в то же время является заложником своей просвещенности, не дающей преодолеть критичное отношение к любой предлагаемой системе ценностей. Современное сознание осознает свою взаимосвязь с действительностью, но также понимает невозможность приблизиться к ней, что объясняет его противоречивость.

Кризис социальных, культурных и ценностных установок, возникший на стыке модерна и постмодерна, сегодня выступает и воспринимается в качестве нормы, в условиях которой живет современный индивид. Современная социокультурная ситуация, возникшая на фундаменте разочарования и травматизма, создает для индивида в духовном плане такую среду, существование в которой невозможно без определенных адаптивных мировоззренческих стратегий, способов «совладания с травмой» [7], одним из которых становится цинизм.

Циническое мировоззрение формирует состояние, в котором психика индивида «достаточно эластична для того, чтобы позволить ему действовать, несмотря на постоянные сомнения относительно собственной активности» [8. С. 40]. Более того, само постоянное сомнение становится устойчивой стратегией действия.

В таком контексте циническое мировоззрение есть эффективная стратегия управления противоречиями и переживаниями, порождаемыми современной социальной ситуацией. Цинизм играет роль буфера между сознанием субъекта и осознанием, что дискурс, породивший субъективность, оказался некомпетентен в выстраивании социальности. Цинизм воспринимается как вполне рациональная позиция для выстраивания индивидом активности. П. Слотердайк отмечает, что цинический индивид «инстинктивно... воспринимает свой способ существования уже не как что-то злобное и ехидное, а как причастность к коллективному реалистически скорректированному взгляду на вещи» [3. С. 32].

Таким образом, отсутствие общезначимой установки, возможности ее формирования приводит индивида к необходимости оставаться на позиции цинизма как наиболее стабильной установки сознания, позволяющей оценивать и интерпретировать происходящие события. Цинизм позволяет рассматривать ситуацию с точки зрения выгоды для себя, облегчения своего существования, нивелируя тревожность и завышенные ожидания индивида к самому себе.

Литература

1. Янкилевич В. Ирония. Прощение. М. : Республика, 2004. 335 с.
2. Stanley S. The French Enlightenment and the Emergence of Modern Cynicism. Cambridge University Press, 2012. 225 р.

3. Слотердайк П. Критика цинического разума / пер. с нем. А.В. Перцева. Испр. изд. Екатеринбург : У-Фактория ; М. : ACT МОСКВА, 2009. 800 с.
4. Mazella D. The Making of Modern Cynicism. University of Virginia Press, 2007. 305 p.
5. Нахов И.М. Кинизм и цинизм. Отжившее и живое (к истории понятия и слов) [Электронный ресурс] // Живое наследие античности. Вопросы классической филологии. 1987. Вып. IX. URL: <http://ec-dejavu.ru/c/Cupus.html#Nahov> (дата обращения: 12.10.2017).
6. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н.А. Шматко. СПб. : Алетейя ; М. : Институт экспериментальной социологии, 1998. 160 с.
7. Штомпка П. Социальное изменение как травма [Электронный ресурс] // Социологические исследования. 2001. № 1. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/983/017/1220/1-Shtompka.pdf> (дата обращения: 20.10.2017).
8. Бьюз Т. Цинизм и постмодерн / пер. с англ. С.А. Зеленского. М. : КДУ, 2016. 270 с.
9. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / пер. с нем Г.Г. Шпета. М. : Наука, 2000. 495 с.
10. Хейде Л. Автономность и несчастное сознание [Электронный ресурс] / пер. Д. Лунгина // Логос. 1999. № 2. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_09/1999_9_01.htm (дата обращения: 03.05.2017).

Angelina V. Gukova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: angelina.gukovaa@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 44. pp. 5–10.

DOI: 10.17223/1998863X/44/1

MODERN CYNICISM AS A FORM OF CRITICAL-REFLEXIVE WORLDVIEW

Keywords: cynicism; P. Sloterdijk; postmodernity; modernity; Enlightenment.

The article is devoted to the analysis of the modern phenomenon of cynicism in the context of its interpretation as a critical-reflexive form of worldview. Analysis of the phenomenon is based on the concept of cynicism by Peter Sloterdijk. Sloterdijk defines cynicism as the dominant form of modern consciousness. Cynicism is considered as a meta-historical phenomenon of consciousness, showing its specificity depending on the social and cultural conditions of the era. The specificity of modern cynicism is associated with the historical experience of the 20th century, the change of two sociocultural dominants – modernity and postmodernity. The features of postmodern culture are considered. It is noted that the situation of postmodernity can be characterised as a situation of “cultural trauma” (Piotr Sztmpka). This situation is characterised by an increase in negative expectations in anticipation of any social change and a lack of confidence in the ideas of progress. The situation of trauma characterises the social, historical and emotional context, which acts as a medium for the formation of the subject, with a specific type of world perception, the result of which is the formation of a cynical form of worldview and reaction to the world. Structurally, cynicism corresponds to the end of any epoch. Within the structure of postmodernism, cynicism manifested itself as a further radicalisation of critical thinking presented in the Enlightenment. The postmodern revision of the basic attitudes of the entire Western culture led to the question of the possibility of obtaining reliable knowledge and truth. An individual finds oneself in a situation of uncertainty and impossibility of finding a stable basis of existence. This leads the individual to the need to remain in the position of cynicism, as the only stable orientation of consciousness, allowing to evaluate and interpret events. On this basis, cynicism is interpreted as a form of a critical-reflexive worldview, based on doubt about the possibility of achieving value universals, whose main values are personal, selfish motives, denying the possibility of development of society, etc.

References

1. Yankelevich, V. (2004) *Ironiya. Proshchenie*. [Irony. Forgiveness]. Moscow: Respublika.
2. Stanley, S. (2012) *The French Enlightenment and the Emergence of Modern Cynicism*. Cambridge University Press.
3. Sloterdijk, P. (2009) *Kritika tsinicheskogo razuma* [Critique of Cynical Reason]. Translated from German by A.V. Pertsev. Ekaterinburg: U-Faktoriya.
4. Mazella, D. (2007) *The Making of Modern Cynicism*. University of Virginia Press.
5. Nakhov, I.M. (1987) Kinizm i tsinizm. Otzhivsheye i zhivoye (k istorii ponyatiya i slov) [Cynic philosophy and cynicism. Obsolete and living (to the history of concepts and words)]. In: Takhogod, A.A. *Zhivoe nasledie antichnosti. Voprosy klassicheskoy filologii* [Living Heritage of Antiquity].

- Questions of Classical Philology]. Issue 9. [Online] Available from: <http://ec-dejavu.ru/c/Cynyc.html#Nahov>. (Accessed: 23rd October 2017).
6. Lyotard, J.F. (1998) *Sostoyanie Postmoderna* [The Postmodern Condition]. Translated from French by N.A. Shmatko. Moscow: Aleteyya.
7. Sztompka, P. (2001) Sotsial'noye izmeneniye kak travma [Social change as trauma]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 1. [Online] Available from: <http://ecsocman.hse.ru/data/983/017/1220/1-Shtompka.pdf> (Accessed: 20th October 2017).
8. Bewes, T. (2016) *Cinizm i postmodern* [Cynicism and Postmodernity]. Translated from English by S. A. Zelenskii. Moscow: KDU.
9. Hegel, G.W.F. (2000) *Fenomenologiya dukha* [The Phenomenology of Spirit]. Translated from German by G.G. Shpet. Moscow: Nauka.
10. Heyde, L. (1999) Avtonomnost' i neschastnoye soznaniye [Autonomy and unhappy consciousness]. *Logos*. 2. Translated from German by D. Lungina. [Online] Available from: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_09/1999_9_01.htm. (Accessed: 3rd May 2017).